

Турушева Ю.Б. Нарратив как метод исследования процесса социализации

English version: [Turusheva Yu.B. Narrative as a method of research of the socialization process](#)

Психологический институт, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Анализируются особенности нарратива как метода исследования социализации, показывается, что нарративный материал обладает свойствами, позволяющими обратиться к нему в поисках новой модели социализации как в детском, так и в зрелом возрасте. Обсуждается необходимость пересмотра современной наукой понятия «социализация». Обращается внимание на способность нарратива удерживать и проблематизировать отношения между индивидом и социокультурной средой. Рассматривается возможность создания в рамках нарративного подхода исследовательской модели, позволяющей удержать социальное и личностное измерения, избежать их противопоставления и, возможно, дать ключ к новому видению отношений между человеком и культурой.

Ключевые слова: социализация, ресоциализация, личность, культура, социум, нарратив, нарративный подход

Проблема социализации: современный контекст

Еще несколько десятилетий назад социализация рассматривалась учеными преимущественно как вхождение индивида в устойчивый мир социокультурных норм. Нестабильность сегодняшнего мира повлекла за собой непрекращающуюся трансформацию ценностей, ориентиров, открытость другим культурам, множественным возможностям и, таким образом, поставила под сомнение устойчивость культурных ориентиров, что привело, в свою очередь, к серьезным изменениям в понимании процессов социализации. Идентичность периода постмодернизма стала расколотой, фрагментарной, внутренне противоречивой. Оказалось, что собрать и удержать ее может только такое «стержневое» образование, как личность, которая осознанно вступает в отношения с социумом. У современной психологии, таким образом, появилась потребность как в пересмотре и уточнении самого понятия социализации, так и в поисках новых методов исследования феномена.

Стоит отметить, что западная психология довольно долго отрицала значение социального в индивидуальном развитии. Культура, общество понимались как нечто внешнее, часто враждебное по отношению к человеку, и только с 70–80-х гг. начал проявляться интерес к социальному как источнику, «питательной среде», обеспечивающей индивидуальное развитие и оказывающей огромное влияние на становление личности. Отечественная психология, напротив, долгое время утверждала примат социального, «индивидуальное развитие рассматривалось как полное воспроизведение, отпечаток социальных матриц <...>. Однако полноценная социализация – усвоение социокультурного опыта, социальных матриц, порождает не личность, а скорее социального индивида...» [Леонтьев, 2009, с. 181]. Закономерным можно считать последовавший интерес к личности, способной проявлять независимость, противостоять культуре и изменять ее. На сегодняшний день ситуацию можно охарактеризовать как новую ступень в изучении отношений между индивидом и социумом. Становится очевидным, что «появление личности, то есть человека в философско-антропологическом смысле, как в фило-, так и в онтогенезе, – это не только появление социальных регуляторов, позволяющих преодолевать биологическую природу, но и выход индивидуальной регуляции за рамки социальной, возможность противостоять обществу,

противостоять социуму, преодолевать в себе социального индивида» [Там же. С. 183]. Проблема социализации, таким образом, сегодня уже не может рассматриваться отдельно от проблем становления личности. В центре внимания оказывается конвергенция этих двух сложнейших процессов, тем более что «в транзитивном обществе баланс идентичностей является неустойчивой характеристикой, постоянно смещающейся то в одну, то в другую сторону. Поэтому часто, особенно при широком веере возможностей выбора группы идентичности, доминирует именно личностная, персональная, а не социальная составляющая [Марцинковская, 2014].

Изменение представлений о культуре

Проблема социализации встала на сегодняшний день особенно остро, так как напрямую связана с процессами глобализации и интеграции, благодаря которым происходит столкновение и взаимопроникновение культур и, следовательно, смешение различных норм и ценностей. «Одной из сторон глобальных изменений сегодняшнего мира выступает и изменение взаимоотношений между индивидом и обществом, точнее, обществами. В свете этих изменений само соотношение социальности и личности оборачивается. Если раньше социальность воспринималась как целое, которое включает в себя много частей – индивидуальных личностей, то теперь, в полисоциальном мире, сама личность выступает как сложная целостность, которая вбирает в себя много разных социальностей с «горизонтальными» и «вертикальными» отношениями между ними, иногда проблемными, порой конфликтными» [Леонтьев, 2009, с. 193].

Надо отметить, что сегодня меняются и представления о культуре. Она понимается как нечто подвижное, меняющееся, находящееся в постоянном обновлении. Культура начинает восприниматься не как устойчивый свод норм, к которому приспосабливается индивид, а, скорее, как процесс, интерес представляет не стабильность, а ее изменчивость. С середины 70-х гг. многие ученые сосредоточились на способности людей производить культурные формы в обыденной жизни, в том, что можно назвать практикой. Культурные нормы, таким образом, стали мыслиться как «живые», возникающие и меняющиеся в конкретных человеческих действиях [Rasmussen, 1999]. Такая концепция культуры позволяет избежать понимания практики (в т.ч. языковой практики) как механического воспроизводства культурных форм и сосредоточиться на активной, творческой позиции личности.

Поиски баланса между личностным и социальным в человеке можно считать традиционными для психологии. В том числе и многие из ветвей дискурсивной психологии пытаются «сконцентрировать внимание на активности индивида с одной стороны, одновременно оценивая структуру семиотических средств, конструирующих индивидуальное действие, – с другой» [Rasmussen, 1999, р. 399]. Такая позиция позволяет избежать редукции и к субъекту, свободному от влияний культуры, и к культуре как двигателю пассивного индивида.

Актуальными на сегодняшний день видятся поиски новых методов исследования процессов социализации и ресоциализации, с использованием автобиографических нарративов. Безусловно, в силу зависимости от культурных конвенций и использования языка нарративы являются носителями норм, смыслов и ценностей определенной культуры: «Один из наиболее важных способов охарактеризовать культуру – выявить предлагаемые ею нарративные модели описания хода жизни» [Bruner, 1987]. Нарративы можно рассматривать как культурное средство, позволяющее упорядочить и осмыслить опыт, «вписать» его в рамки культурных норм. С другой стороны, многие ученые считают, что в коммуникативных практиках типа нарративных происходит формирование Я, которое становится центром сознания, инстанцией, обеспечивающей принятие решений и несущей ответственность за их осуществление. Таким образом, нарративный подход способен предложить исследовательскую модель, позволяющую удерживать и социальное, и личностное измерения, избежать их противопоставления и, возможно, дать ключ к новому видению отношений между человеком и культурой.

Нарративный подход в изучении феномена социализации

Устойчивый рост интереса к нарративу наблюдается в социальных науках с начала восьмидесятих годов. Отвечая на вызовы постпозитивистской науки, к проблемам повествования обратились история

(Х.Уайт, Ф.Анкерсмит), социология (Э.Гидденс, К.Риссман, Ф.Шюц), антропология (К.Гирц), психология и ряд других дисциплин. Несмотря на длительную традицию исследования нарратива в лингвистике (Ж.М.Адам, Ж.Женетт, М.Баль, В.Шмид, Ш.Римон-Кеннан, Дж.Принс и др.), понятие быстро вышло за ее пределы и потребовало более широкого осмысления; за последние десятилетия его объем значительно расширился. Если на первом этапе нарратив понимался преимущественно как автономно существующий текст, то позже интерес распространился и на процесс наррации (в нем стали видеть не только акт семантической организации текста, но и коммуникативный акт).

Большая часть нарративных исследований осуществляется в рамках социального конструкционизма – движения, центральная посылка которого заключается в идее определяющей роли языка и социальных интеракций при формировании наших представлений о мире и о самих себе. То есть, рассказывая о себе, мы «автобиографически конструируем себя» [Брунер, 2005, с. 10], в соответствии с культурными и языковыми нормами нашей среды. «С точки зрения конструкционизма осмысление мира – это не автоматический или природный процесс, понимание мира есть результат активной совместной деятельности людей, вступающих во взаимные отношения» [Джерджен, 1995, с. 56].

Очень интересную в этом смысле работу с нарративами проделал Жак Вонхе [Voneche, 2001], изучая варианты биографии Ж.Пиаже. Знаменитый швейцарский психолог написал за свою долгую жизнь несколько жизненных историй. В каждой из них он представлял себя, ориентируясь на различные целевые аудитории. Во всех своих автобиографиях, как показывает исследование, Пиаже одновременно тот же и другой: факты те же, ситуации те же, а результат, смысл истории другой. Исследование убедительно показывает, что самопрезентация, организация и осмысление собственной жизни посредством нарратива чрезвычайно чувствительны к социальному окружению. Это тем более поразительно, что Пиаже позиционировал себя как ученого, для которого индивидуальное развитие не зависит от социальной и культурной среды.

Существует огромное количество различных подходов к определению нарратива. Классическая теория повествования считала отличительной чертой нарративных текстов «преломление повествуемой действительности через призму восприятия нарратора» [Шмид, 2008, с. 13], акцентируя, таким образом, внимание на центральной роли индивидуального сознания в процессе наррации. С другой стороны, в последнее время все чаще нарратив рассматривается как своего рода «языковая игра», в которой, посредством языка формируется идентичность. В случае радикальной конструкционистской позиции Я понимается как продукт коммуникативных практик (см., например, [Harre, 2001; Harré, Gillett, 1994]).

Таким образом, все многообразие современных подходов к изучению нарратива можно условно разделить на два больших направления: нарратив как монолог и нарратив как диалог. В первом случае исследование фокусируется на центральной роли Я в формировании и структурировании повествования, которое в свою очередь служит задачам осмысления опыта и формирования Я-концепции. Во втором нарратив понимается особого рода коммуникативная практика, в которой «рассказанное Я» [Сарбин, 2004] конструируется совместно с аудиторией и сильно зависит от культурного контекста. Интерес в этом случае сосредоточен, главным образом, на механизмах социального взаимодействия.

Изучение механизмов взаимодействия между социальным и личностным в нарративе, несомненно, связано с поиском методологии, позволяющей удерживать обе исследовательские позиции. Социализацию в рамках нарративного подхода можно рассматривать как конструирование себя и своего социального мира. При таком подходе акцент необходимо ставить на творческом взаимодействии личности и культуры, в котором возникает (конструируется) Я-в-мире.

Огромное значение имеет нарратив и для исследования ранних этапов социализации. Безусловно, появляясь на свет, человек мгновенно попадает в определенную социокультурную среду, в которой уже существуют значения, базовые ориентации, моральные нормы и ценности. С момента рождения он находится в системе, где известно, что такое хорошо и что такое плохо, где вещи имеют имена, а отношения между людьми регулируются гласными и негласными правилами. Освоение этой системы является проблемой ранних этапов социализации. Фаза, когда ребенок черпает знания о ней только из личного опыта, быстро сменяется новым этапом, когда знания о мире приобретаются опосредованным путем: через книги, устную коммуникацию, телевидение, то есть с использованием

языка. Большая часть этих знаний структурирована в виде нарративов (повествований). Исследования показывают, что 3–5-летние дети уже в полной мере владеют структурированием рассказа, чувствительны к последовательности действий, способны описать собственный опыт события в виде повествования. С возрастом может измениться центральное событие нарратива, возрасти количество деталей, однако базовая структура останется прежней [Nelson, 1986]. Рассказывая, ребенок упорядочивает свои знания о мире и приспособливает их к социально разделяемым версиям. С другой стороны, взрослый, повествуя о событиях, способствует процессу инкультурации ребенка, так как нарратив всегда связан с оценочной интерпретацией прошлого, в нем обязательно содержатся нормативные идеи о том, что можно считать правильным, ценным, о том, что Freeman и Brockmeier [Freeman, Brockmeier, 2001] называют «представлениями о "хорошей жизни"». Другими словами, рассказ «наделяет характером важности то, о чем сообщает... выдает своему предмету аксиологический, а заодно и отнологический паспорт. И уже дело адресата гадать, зачем же ему это было рассказано» [Лехциер, 2011].

Нарративы всегда находятся во взаимоотношениях с более широким культурным контекстом (с метанарративами, сюжетами, характерными для определенной культуры, способами интерпретации и т.д.), любой текст является производным от какого-то текста и отсылает к будущим текстам. И, следовательно, любая история создается с учетом присущих определенной культуре ожиданий типичных сюжетов, мотивов, причин и следствий. Рассказывая о себе, ребенок устанавливает связь между личным опытом и циркулирующими в культуре нормами построения повествования, что позволяет нарративу выполнять функцию связующего звена между культурой и индивидуальным сознанием. Механизмы наррации, таким образом, всегда являлись одним из самых эффективных и востребованных инструментов социализации.

Нарративный подход в изучении процессов ресоциализации

Если прежде социализация связывалась преимущественно с ранними этапами развития, то сейчас становятся актуальными процессы социализации периода зрелости – ресоциализации, – которые не прекращаются на протяжении всей жизни человека и связаны с сознательной, рефлексивной позицией и ценностными предпочтениями.

Конечно, нарратив – это не только отчет о событии, но, главным образом, его осмысление (как, впрочем, и трансляция обретенного смысла). Основная задача нарративных психологов сегодня состоит в том, чтобы понять, каким образом нарратор порождает смысл события [Bamberg, 2012]. Парадокс нарратива, однако, заключается в том, что, используя канонические, культурно заданные лингвистические формы, он никогда не повествует о типичных событиях. Дж.Брунер считает, что нарратив всегда отвечает на вопросы «Почему об этом стоит рассказывать? Что в этом интересного?» «Не обо всем, что случается, стоит рассказывать, и не всегда ясно, почему, то, о чем кто-то говорит, достойно того, чтобы быть рассказанным. Нам скучно и неинтересно слушать такие истории как: "Я проснулся утром, встал с постели, оделся и надел ботинки, побрился, позавтракал, пошел в офис..." Нарратив не только должен увязать события в порядок во времени, соблюдая структуру культурных канонов, но должен еще и содержать нечто, что придает ему исключительность» [Bruner, 1991].

Таким образом, по мнению Брунера, автобиографический нарратив выполняет две функции. С одной стороны, с его помощью мы являем себя другим (и самим себе) как типичных представителей культуры. Наши действия, намерения, желания становятся понятны в рамках обыденных представлений, присущих тому миру, в котором мы живем. С другой стороны, если бы мы ограничивались «данностями» культуры, мы оставались бы лишь ее зеркалами, об индивидуальности, Я в таком случае не могло бы быть и речи. Брунер считает, что для обеспечения индивидуальности мы фокусируемся на том, что является исключительным (и, следовательно, достойным того, чтобы об этом рассказать). Требование рассказать что-нибудь интересное осуществляется через наррацию, в которой распознается каноническое и неканоническое. А интересным ее делает как раз то, что идет вразрез с ожидаемым или приводит к неожиданному результату. Брунер даже выдвинул предположение, что литературные жанры являются своеобразными формами нарушения канонов «народной психологии» [Брунер, 1991].

Категория «интересное» привлекла интерес ученых относительно недавно и, вероятно, требует

внимательного рассмотрения, в связи с возрастающим интересом к нарративным исследованиям. Такие философы, как Жиль Делез и Феликс Гваттари, утверждают, что «интересное» – это «альтернатива познанию истины и поиску согласия» [Эпштейн, 2004, с. 491]. «Интересен такой ход событий, который воспринимается, с одной стороны, как неизбежный, с другой – как непредсказуемый... Интересность – это то свойство, которое скрепляет «очевидное» и «невероятное», не позволяя им оторваться друг от друга» [Там же. С. 496]. В «интересности» повествования заключается, может быть, основной парадокс нарратива как механизма (по крайней мере) западноевропейской культуры – являясь, безусловно, культурной формой, он требует нарушения ожидаемого развития сюжета.

Брунер обращает внимание на те поворотные моменты нарратива, в которых рассказчик объясняет перелом в убеждениях, верованиях и мыслях героя: «Я вижу в этом решающее значение для усилий индивидуализировать жизнь, сделать что-то большее, чем просто бегство от канонов... Поворотные точки нуждаются в более глубоком изучении. Они представляют собой способы, которыми люди освобождаются в самосознании от своей истории, своей банальной судьбы, своего консерватизма... Поворотные точки – шаги к нарративному сознанию. Не удивительно, что в большинстве автобиографий они расположены в точках, где культура дает больше степеней свободы – большой простор для поворота» [Bruner, 1991]. Такие «поворотные» моменты можно считать отличительной чертой нарративов. Р. Анкерсмит [Анкерсмит, 2007] трактует их как описания «травмы идентичности», отмечая при этом, что в момент кризиса человек остается без привычных культурных ориентиров и должен выстроить новую идентичность, опираясь лишь на собственный личностный выбор. Таким образом, в самой ткани нарратива существует напряженность между личным и социально-культурным, которая делает его чрезвычайно интересным материалом для изучения переплетений личностного и социального в жизни человека.

Очень интересную в этом смысле работу проделали Гон, Миллер и Раппапорт [Gone et al., 1999], исследуя понятие «культурная идентичность» на примере нарратива, записанного в индейской резервации в штате Монтана. С одной стороны, основываясь на идее культурного антрополога Ирвинга Холлоуэлла о базовых ориентациях – инструментах, которые предоставляются Я-культурой, – ученые выстраивают свое представление о культурной идентичности на том, что Холлоуэлл называет «нормативной ориентацией» (включающей идеалы, стандарты и ценности). С другой стороны, их интерес привлекает таксономия Я, предложенная когнитивным психологом Ульриком Найссером, который заинтересован, прежде всего, в теории сознания, объясняющей познавательную активность. Таким образом, Холлоуэлл выстраивает свою теорию, отталкиваясь от роли культуры в конструировании идентичности, в то время как Найссер двигается от когнитивных способностей. Соединение этих абсолютно различных, но комплементарных, по мнению авторов, подходов позволяет предложить модель идентичности, удерживающую и социально-культурный, и персональный аспекты Я. Эта модель предполагает, что личность способна *сознательно* посвятить себя разделяемым ценностям и практикам социальных групп. При этом ученые утверждают, что активная работа со-конструирования идентичности осуществляется Я и культурой в основном посредством коммуникативных практик: «люди приходят к идеалам и ценностям через индивидуальное участие в разделенных культурных практиках, особенно коммуникативных, типа нарративных» [Gone et al., 1999].

Многие ученые отмечали исключительную способность нарратива ухватывать темпоральную природу человеческого опыта и, следовательно, представлять его непрерывное, но развивающееся Я. Как и многие другие, Гон, Миллер и Раппапорт считают, что нарративы играют огромную роль в конструировании и репрезентации идентичности (в т.ч. и интересующей их «культурной идентичности»). По их мнению, в подмножестве личных нарративов, которые они определили как «нарративы культурной идентичности», рассказчики всегда преднамеренно сохраняют напряженность в отношениях между индивидуальностью и социокультурной средой. Таким образом, подобные нарративы предоставляют уникальную возможность изучать сознательное, рефлексивное само-конструирование, учитывая отношения с культурой, не полностью, однако, детерминирующей поведение личности.

В качестве примера используется автобиографический нарратив пожилой женщины из индейского племени Гровантров. Это крайне эмоционально насыщенный рассказ о том, как традиционная культура племени уступила в ее сознании культуре белых, как религиозные ориентиры индейцев

сменились ценностями католической церкви. В ее рассказе есть тоска по утраченному, но нет отчаяния, принятие католицизма с ее стороны совершенно осознанный, осмысленный шаг. Безусловно, подобный материал (описывающий историю сознательного выбора культурных ориентиров) представляет огромный интерес для изучения процессов ресоциализации. Рассказ Беллы Сноу – классический образец, используя терминологию Брунера, столкновения канонического и неканонического в нарративе. И, безусловно, пример того, как на фоне культурно-исторических перипетий своего времени Я выстраивает и перестраивает свою идентичность посредством нарратива.

Таким образом, можно утверждать, что нарратив является одним из самых устойчивых и востребованных культурных механизмов, обеспечивающих овладение социальным опытом. Однако речь идет не о механическом усвоении социальной информации, а о тонком и сложном взаимодействии со сферой личностного. Тем более, когда речь идет о взрослом, способном оценивать и переоценивать усвоенные ранее нормы и ценности и, таким образом, направлять свою ресоциализацию.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 14-18-00598.

Литература

- Анкерсмит Ф.Р. [Ankersmit F.R.] Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
- Брунер Дж. [Bruner J.] Жизнь как нарратив. Постнеклассическая психология, 2005, 1(2), 9–29.
- Джерджен К.Дж. [Gergen K.J.] Движение социального конструкционизма в современной психологии. В кн.: Социальная психология. Саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 51–73.
- Леонтьев Д.А. Социальное и транссоциальное в личности. В кн.: Константа в неопределенном и меняющемся мире. М.: Моск. гос. университет, 2009.
- Лехциер В.Л. Экстаз рассказа: о судьбах повествований до и после иконического поворота. Цирк Олимп+TV, 2011, 1(34). <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/117/ekstaz-rasskaza-o-sudbakh-povestvovanii-do-i-posle-ikonicheskogo-povorota>
- Марцинковская Т.Д. Феноменология и механизмы развития: историко-генетический подход. Психологические исследования, 2014, 7(36), 1. <http://psystudy.ru>
- Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии. Постнеклассическая психология, 2004, No. 1, 6–28.
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Эпштейн М. Интересное. В кн.: Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: НЛО, 2004.
- Bamberg M. Narrative Analysis. In: APA handbook of research methods in psychology. Washington, DC: APA Press, 2012. pp. 111–130.
- Bruner J. Life as narrative. Social Research, 1987, 54(2), 11–32.
- Bruner J. Self-making and world-making. Journal of Aesthetic Education, 1991, 25(1), 67–78.
- Freeman M., Brockmeier J. Narrative integrity. Autobiographical identity and the meaning of the "good life". In: J. Brockmeier, D. Carbaugh (Eds.), Narrative and identity: studies in autobiography, self, and culture. Amsterdam: John Benjamins, 2001. pp. 75–103.

Gone J.P., Miller P.J., Rappaport J. Conceptual self as normatively oriented: the suitability of past personal narrative for the study of cultural identity. *Culture and Psychology*, 1999, 5(4), 371--398.

Harré R., Gillett G. *The Discursive Mind*. London: Sage, 1994.

Harré R. Metaphysics and narrative. Singularities and multiplicities of self. In: J. Brockmeier, D. Carbaugh (Eds.), *Narrative and identity: studies in autobiography, self, and culture*. Amsterdam: John Benjamins, 2001. pp. 59--73.

Nelson K. Event knowledge and cognitive development. In: K. Nelson (Ed.), *Event Knowledge: Structure and Function in Development*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1986.

Rasmussen S. Culture, personhood and narrative: The problem of norms and agency. *Culture and Personality*, 1999, 5(4), 399--412.

Voneche J. Identity and narrative in Piaget's autobiographies. In: J. Brockmeier, D. Carbaugh (Eds.), *Narrative and identity: studies in autobiography, self, and culture*. Amsterdam: John Benjamins, 2001. pp. 219--245.

Поступила в редакцию 12 сентября 2014 г. Дата публикации: 25 февраля 2015 г.

Сведения об авторе

Турушева Юлия Борисовна. Аспирант, лаборатория психологии подростка, Психологический институт, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: turusheva.yulia@gmail.com

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Турушева Ю.Б. Нарратив как метод исследования процесса социализации. *Психологические исследования*, 2015, 8(39), 2. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Турушева Ю.Б. Нарратив как метод исследования процесса социализации // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 39. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1086-turusheva39.html>

[К началу страницы >>](#)